

ВАЛЕНТИН СВИНИННИКОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О “ДНЕВНИКЕ РУССКОГО”

Нет, не перевелись на современной Руси очарованные странники. Очарованные красотой родной земли и до сердечной боли мучимые стремлением запечатлеть, сохранить, по возможности восстановить памятники времён минувших. И живёт среди нас человек, который, не расставаясь с фотоаппаратом и этюдником, объехал и обошёл добрую четверть из тысячи с лишним российских монастырей и несчётное количество храмов, действующих и... порушенных. Каждый год совершает он по несколько паломничеств, чаще всего “прицельных”, заранее продуманных, требующих соответствующей подготовки. А порою и просто повинуюсь желанию посмотреть самому, убедиться, что скромные, но настойчивые его усилия приносят результат. Так было с восстановлением Оптиной пустыни близ Козельска, точнее – созданием литературного музея при ней. Святые места для нашей истории, где “злым городом” назвали в Батыевой Орде небольшое поселение, в котором мужество русских людей на многие недели перекрыло степнякам удобный путь возвращения после нашествия. Где оставили незримый свой след лучшие умы и самые светлые души России.

В Оптиной пустыни и принял святое крещение бывший суворовец и офицер-пограничник Владимир Десятников, проживший трудную, насыщенную событиями и борьбой жизнь, жизнь, полную подвигов, больших и малых, повседневных, в борьбе за сохранение национальных святынь русского народа. Разве не подвиг – запись исторических Ростовских звонов, которую успел сделать Десятников ещё при жизни потомственных звонарей?! А полувекое общение с живым классиком отечественной (и мировой!) литературы Леонидом Леоновым, перешедшее в дружбу, когда талант и знания историка, искусствоведа и просто глубоко верующего православного человека помогли Леониду Максимовичу в работе над его заветным итоговым романом “Пирамида”?..

Всё это в конкретных живых подробностях отражено в пятитомном “Дневнике Русского”, охватившем события с 1963-го по 2001 год. Дневнике, по праву удостоенном в 2017 году премии “Имперская культура” Союза писателей России.

Первый том Дневника начинается с событий и впечатлений 1963 года. Владимиру Десятникову стукнуло 32 года. Ещё не “возраст Христа”, но потребность оглянуться, задуматься: кто он, где его корни, куда ведёт его жизненный путь? Раньше всё было проще: после гибели отца-пограничника – Суворовское училище первого, 1943 года, призыва; военное пограничное

училище и служба на границе, где дорос до звания капитана. В стране, поднимавшейся после страшной послевоенной разрухи, жизнь налаживалась, улучшалась с каждым годом не очень заметно, но постоянно. И вдруг – смерть вождя, возня в политических верхах, перемены в политике. Хрущёвское сокращение Вооружённых сил, неизвестность будущего после демобилизации из армии. И личная боль – новые гонения на душу народную, веру православную. Казалось бы, в годы Великой Отечественной войны, которую Отечественной и назвал-то первым митрополит Сергей (Страгородский) 22 июня, отношение к Церкви изменилось. Можно было уже не скрывать веры своего казачьего рода. Встреча вождя с высшими иерархами Русской Православной Церкви в 1943 году, восстановление патриаршества, всё больше свидетельств о том, что “в окопах безбожников нет”... Не скрывал же будущий маршал Василий Чуйков во время Сталинградской битвы, что не расстался с иконой, вероятно, родителями подаренной, отводя ей почётное место в своём блиндаже. Кажется, поняли все от мала до велика, до кремлёвских вершин, какое это мощное, испытанное оружие русского народа в битвах с врагом внешним. Но захватил власть в Кремле интриган Хрущёв – и обрушились новые гонения на русскую веру православную, которой столько зла принесла новая власть ещё в первые годы после революции.

Десятников, расставшись с погонями навсегда, пошёл в Третьяковскую галерею, как он рассказывал, хоть дворником, хоть смотрителем зала, лишь бы быть поближе к творениям великих художников. Учился он в МГУ на вечернем искусствоведческом отделении исторического факультета, а дипломная его работа стала исследованием деревянной скульптуры в храмах Пермской земли, вышедшим потом отдельной книгой.

В аппарат Минкульта пришёл он специалистом, многое знающим уже о святынях русского народа и думающим, как сохранять и возрождать их. И помогал, как мог, единомышленникам: писателю Солоухину, архитектору и реставратору Барановскому, художникам Корину, Пластову, Глазунову, скульптору Коненкову. Так, с Ильей и Ниной Глазуновыми побывал он в древних русских городах Смоленске, Суздале, Ярославле, Переславле-Залесском, Ростове Великом. Тогда и родилась идея записать Ростовские звоны, что и сделал Десятников в то время, когда Илья Глазунов триумфально покорял Италию. В Дневнике с интересом читается забавный эпизод с телеграммой, присланной Десятникову в министерство Глазуновым из Рима латинскими буквами, со вполне прозрачным смыслом: PRISHEL UVIDEL POBEDIL = POLUCHLEN. Забава для Глазунова обернулась Десятникову тяжёлым разговором с министром Екатериной Фурцевой, которую в своё время он уредил разрешить опальному художнику поездку за рубеж. Подпись “получлен” объяснилась просто: Илью никак не принимали в члены Союза художников. К счастью, Фурцева не только обладала высокой культурой и юмором, но и властные полномочия могла использовать. Её звонок председателю Союза художников СССР Герасимову мгновенно открыл Глазунову дорогу в этот творческий союз.

Приходилось “чиновнику” Десятникову применять аппаратные хитрости, чтобы по возможности помочь вышедшему из заключения исследователю солнечных циклов великому учёному Александру Чижевскому. А чтобы добиться звания Заслуженного деятеля искусств Петру Барановскому, Десятников выбрал время, когда один из чиновных противников великого реставратора русской старины ушёл в отпуск и не мог помешать нужному решению. Краткие или более-менее пространственные записи в Дневнике воскрешают эпизоды всё более разворачивавшейся в стране борьбы за возрождение истории не только “с 1917 года”, а на многие десятилетия и столетия в глубь веков. Жаркие разговоры в мастерской Ильи Глазунова и других очагах национальной отечественной культуры претворялись в конкретные дела. В Дневнике много упоминаний о далеке не стандартных подвигах “чиновного искусствоведа”. Конечно, долго терпеть этого не могли в министерстве. И с тех пор путь жизни Десятникова изобилует неожиданными поворотами. Так, художники Сергиева Посада (тогда ещё Загорска), о которых он написал немало статей, предложили ему стать свободным художником, выделяя часть официальных заказов, позволявших зарабатывать на жизнь.

А главное, Десятников смог с головой погрузиться в борьбу за сохранение национальных святынь словом публициста и делом организатора. Вместе

с Ильёй Глазуновым, Петром Барановским, Дмитрием Жуковым создавал он молодёжный патриотический клуб “Родина”. А когда власть его “прикрыла”, Десятников вместе с упомянутыми и другими единомышленниками участвовал в основании Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, был даже секретарём первичной организации аппарата ВООПИИК.

“Дневник Русского” – это яркая история того, как в годы застоя билась подлинно передовая, национально ориентированная часть общества за правду истории и культуры, сохранение и возрождение национальных святынь. Надо ли говорить, как работали в этом направлении уникальные фотодокументы Десятникова, многочисленные его статьи в печати, выступления на различных совещаниях и заседаниях! И борьба, борьба, борьба!.. Сколько сил стоило ему собрать сборник “Памятники Отечества”, привлечь лучшие силы мыслящей России! И только ли “ошибка” отодвинула выпуск уникального издания на долгие годы? Да и ошибка ли? Десятников включил в состав сборника рассказ Солженицына “Захар Калита”. Тогда выстраивались очереди в библиотеках, чтобы прочесть в “Новом мире” повесть “Один день Ивана Денисовича” о лагерных буднях политических заключённых. О художественных достоинствах Солженицына–прозаика особо и не задумывались. А “Захар-Калита” и “Матрёнин двор” вполне напоминали о традициях русской классики. И Десятников счёл возможным включить в сборник то, что не вызывало у него сомнения. Но... ситуация изменилась, “любовь” Солженицына к России обернулась его остро враждебными России советской измышлениями. От Десятникова потребовали исключить рассказ крамольного автора из сборника. Он отказался принципиально, и набор был рассыпан.

Отказался, хотя зародившиеся тогда у него сомнения переросли со временем в стойкое неприятие и многотомного “Красного колеса”, и “Архипелага ГУЛаг”. Неприятие, обоснованное ещё и тем, как отнёсся Солженицын к Александру Твардовскому, рискнувшему своей репутацией, чтобы открыть его миру. Об этом–то, как мы читаем в Дневнике, Десятников прекрасно знал – он тесно дружил с родным братом Александра Твардовского Иваном, неоднократно бывая на их родине, на хуторе Загорье близ деревни Сельцо (ныне в Починковском районе Смоленской области) и добиваясь открытия музея творца “Василия Тёркина”.

Прямыми свидетельствами эпохи выступают в Дневнике многочисленные документы, обращения автора от имени общественности, от себя лично в различные инстанции, вплоть до самых высоких, о несправедливости в отношении многих исторических и культурных ценностей. И ответы на эти обращения, чиновничьи, иезуитские по изворотливости, а то и откровенно намекающие: не лезьте не в своё дело. Но кое-чего всё же и удавалось добиться...

Примечательно: большинство дат в Дневнике сопровождается упоминанием церковного праздника в этот день или памяти святых, выдающихся писателей, художников. Всё это – безусловное свидетельство глубокой религиозности Владимира Десятникова. И доброй традицией было в их отношениях с Леоновым поздравлять друг друга с этими праздниками.

Много интересного о старой русской интеллигенции узнаём из Дневника. Например, об отношениях семьи Десятниковых с Екатериной Васильевной Гольдингер, которая дружила с семьёй Пастернака, прежде всего, с отцом будущего поэта, художником Леонидом Пастернаком, и семьёй Сабашниковых (отец супруги Леонида Леонова Татьяна Михайловна был известным издателем). Позднее автор Дневника в своих паломничествах стремился разыскивать людей, помнивших Леонида Максимовича. А сколько нового узнаёт читатель о Василии Розанове!

С интересом читается в Дневнике и переписка Десятникова с видными деятелями мировой культуры: Роуэллом Кентом, Пабло Пикассо, Марком Шагалом. А с главным художником итальянского театра “Ла Скала” Н. А. Бенуа завязалась даже тесная дружба, такая, что Николай Александрович, дядя супруги Ильи Глазунова Нины, просил Десятникова называть его просто Коккой. Письма академиков Лихачёва, Рыбакова... Особенно большой и содержательной была переписка с Ильёй Глазуновым и Владимиром Солоухиным. И сколько в Дневнике сведений о творчестве лично знакомых ему художников, от Корина, Пластова, Коненкова до современных мастеров российской глинки, особенно Сергиева Посада!

Больше всего заставляют задумываться и всё глубже вникать в нашу историю, как дореволюционную, советскую, так и перестроечную, записи множества бесед Владимира Десятникова с Леонидом Леоновым. С трепетом душевным приступаю я к самому главному (надеюсь, не только для меня) – личным, всё более усложняющимся и углубляющимся отношениям автора “Дневника Русского” с великим русским писателем. Под пером Десятникова и прежде воскресали черты многих ярких личностей советского периода. Это и названные мною художники, и писатели М. Шолохов, А. Твардовский, В. Солоухин, В. Белов, В. Распутин, В. Ганичев. Некоторым из них посвящены и упомянутые развёрнутые фрагменты. Но абсолютное господство в Дневнике занимает сложный, исключительно интересный в тонкостях и изгибах творческий мир Леонида Леонова. Причём Десятников неоднократно предупреждал, что это именно записи по горячим следам в стремлении передать их не дословно, но предельно точно по смыслу. (Леонов не любил, когда его “закавычивали”, считая, что при этом важно всё: и интонация, например, ироническая, и многое другое.)

Как Леонов познакомился с Десятниковым? Они не могли не встретиться, два человека, влюблённых в Россию и талантливый её народ, в её историю, её старину и даже трудную советскую действительность. Сблизило и увлечение фотографией, графикой, живописью. Мало кто знает, что Леонов не просто глубоко разбирался в искусстве, но прекрасно рисовал, фотографировал, имел в своей коллекции копии многих шедевров, особенно выделяя картины Питера Брейгеля-старшего.

Конечно, далеко не сразу притёрлись они друг к другу. Леонов вообще сходилась с людьми трудно. И можно понять человека, на арест которого были выписаны шесть (!) ордеров. Человека, на которого обрушивалась по любому поводу вся “рапповская рать”. Человека, который не вступал в правящую партию, несмотря на неоднократные и весьма настойчивые приглашения. Наверное, тогда поверил Леонид Максимович Десятникову, когда убедился в его глубоких профессиональных знаниях, основанных на искренней любви к России и русскому народу. И стал нередко обращаться с просьбами уточнить тот или иной момент, который мог лечь (а часто и ложился) в заветную его книгу. И сколько же открытий для себя сделает вдумчивый читатель, который пожелает постигнуть сложный художнический мир Леонова, его отношение к социалистическим устремлениям страны: утверждению их помогал он в годы гражданской войны, в пору Великой Отечественной поддерживал родину ярким публицистическим словом! И всё более критически всматривался в то, что было задумано в революцию и что получалось на деле.

Как никто другой, видел Леонид Максимович, какая мутная волна поднималась к вершинам власти и в Феврале, и в Октябре 1917-го. Сравнить можно, на мой взгляд, с подобным явлением 90-х годов прошлого века при очередной российской смуте. Хотя в первом случае социальные лифты открыли простор многим ярким и сильным личностям из народа русского, глубинного. Леонов показал это в “Барсуках” и “Воре”, где крестьянские дети выбивались в люди через обывательскую трясиину купеческого Замоскворечья. И выходили наряду с хваткими Заварихиными (антипод Дмитрия Векшина из романа “Вор”) такие разные, но всё же понявшие друг друга в послереволюционных вихрях родные братья из романа “Барсуки”.

Множество открытий из Дневника сделал я для себя об истории послереволюционной России, о небывалом рывке в два десятилетия от патриархальной крестьянской страны до мощной промышленной державы, одолевшей новое нашествие объединённой фашистами Европы! И о громадной цене, заплаченной русским народом в этом, по сути, эксперименте теоретиков марксизма – переходе к новому, справедливому по идее общественному строю.

Когда я читал “Дневник Русского” в первый раз, меня смущали подробные описания встреч автора с Леонидом Леоновым: упоминания о времени телефонных звонков, маршрутах пеших прогулок, погоде и прочем. Хотелось поскорее и побольше узнать о сокровенных мыслях, которыми делился классик с человеком, удостоенным безграничного доверия. Потом понял: да только в таких разговорах “на свежем воздухе” и можно было не опасаться “всеслышащих ушей”. Понял и то, кого больше всего опасался Леонид Максимович и кого называл уклончиво *они* (собеседники понимали друг друга с полуслова,

в Дневнике приводятся, например, родственные и другие тесные связи вожака рапповской стаи Авербаха с Яковом Свердловым и другими “пламенными революционерами”). Преследовали Леонова именно как национального, русского писателя. Человека, знающего в тонкостях условия жизни и психологию родного народа. Знающего с юности Замоскворечье, где господствовал как уклад купеческий, через который стремились “выбиться в люди” постоянно притекающие из деревни молодые искатели счастья, так и жизнь в самой толще сельского люда. Леонов считал, что теоретикам марксизма, которые вынашивали свои представления о России в основном в тиши зарубежных кафе, не мешало бы знать о настроениях подавляющего большинства её населения. Обратил я внимание на переключку определения Леоновым России, по задумке революционеров – котлована для строительства будущего мирового сообщества. Вовсе не случайно “Котлованом” называется известная повесть Андрея Платонова.

* * *

Читаю в Дневнике откровения Леонида Максимовича, которые в ранних его произведениях открывались только очень внимательному читателю, и теперь, с высоты возраста и опыта жизни в СССР и нынешней России, после новой смуты на многое смотрю другими глазами. По Леонову сверяю, почему многое получилось не так, как задумывалось. Как он прав, говоря: “Русские всегда любили полакомиться незрелым, до Спаса, яблочком и потом страдали жестокой исторической оскоминой”! И не случайно прозрение самодельного поэта Доньки из “Вора”, заключительная строка в стишке у него: “... за перевалом светит солнце, да страшен путь за перевал”!

Разве плоха была установка на всеобщее равенство граждан, особенно людей труда? Но как можно было не брать в расчёт, что есть в природе (как бы точнее выразиться) и биологическое неравенство. Даже в однородной, по сути, крестьянской среде, в отдельно взятом селе, а то и в одной семье рождаются разные по характеру, склонностям и возможностям люди. Как сделать, чтобы не возникало, при самых благих намерениях, неравенство новое, в ущерб вековым традициям народа – неравенство власти меньшинства?.. (Речь не о новом неравенстве всего народа в сравнении с кучкой олигархов в России; это старое, возрождённое новой смутой неравенство.) Прекрасный же был лозунг “Вся власть Советам!” Это обобщение опыта первых Советов, когда в них выбирались люди, которых хорошо знали, действительно самые достойные и понимающие своих товарищей по духу. Но вот появились комбеды, печально известные комитеты бедноты. С одной стороны, самые неимущие пролетарии деревенские. Но в деревнях-то бедными (чаще всего) считали лентяев, выпивох, неудачников. Для них призыв “экспроприировать экспроприаторов” звучал как право всё отнять и поделить. А на эти комбеды опирались рабочие продотряды. Понятно, что пролетариев города (и не только их) надо было кормить. И что? Продотряды отбирали только излишки? Тем более, когда комбедовцы помогали отыскать самые скрытые тайники, и если бы только у “богатеев”. Так и при коллективизации многие считали, что и в этот раз, и снова до последней коровёнки всё отбирает власть. Изменить такое отношение можно было лишь глубокой переработкой сознания крестьян, подавляющего большинства населения России.

Поразила меня глубокая мысль Леонида Леонова: русский народ вдруг стали *отучать работать*. Как?! Да вот так! Раньше крестьянин знал, что плохо сработал, не получил урожай – значит, подвёл и себя, и свою семью. А тут хорошо ли сработал, плохо ли, всё равно отымут, если не спрятал. Или о кооперации. Она-то нужна была как воздух: мало произвести, надо было ещё продать излишки, получить необходимый товар из городов. Но... приведу (в сокращении) цитату из романа “Вор”: “На базаре, разговор с Заварихиным: “Нет... человек без собственности сущеё дитё, ему непременно надо что терять. Оно и мало иметь опасно, ещё того опасней ничего не иметь. Плохое дело без корешков, любой ветришко к земле гнёт, может напрочь вырвать. И как надоест ему со скуки, голому-то, душу в себе таскать, от которой ни барыша, ни развлеченья, забота да теснение одно, он тебе такую... махентрапецию шаракнуть может, что и мертвечатина содрогнётся. Бывало, корова у нас на деревне сдохнет – бабы три дня слезами-воем исходят, а вон

на углу третьевось целый магазинище сгорел... акт составили, заложили по баночке и разошлись довольные, что Бог привёл. Так что я... в кооперацию твою не шибко верю: не может купленный человек по-хозяйски чужое добро стеречь". Я ему возразил, что не чужое, мол, а общее! Он засмеялся, махнул ключами...". Не видны ли здесь корни и отношения к колхозам?

Самое же страшное преступление перед русским народом, не побоюсь вслед за героями Дневника этого слова, — отношение новой власти к Русской Православной Церкви. Зачем было расстреливать тысячи священнослужителей, разрушать церкви, которые были не только истинным украшением земли российской, но и, главное, центрами духовной жизни подавляющего большинства народа, хранителями лучших его духовных, нравственных традиций? И попутно лишать элементарных жизненных условий семьи священников, как правило, многочисленные. В лишенцы попало целое сословие, вытолкнутое в число людей второго сорта.

Отношение Леонида Леонова к издевательствам над религией, над верой русского народа можно проследить буквально во всех его произведениях. Осторожное в силу многих причин. Это я уловил и во "Взятии Великошумска", где один из персонажей иронически критиковал... изображение конницы на одной из икон, которыми был заставлен красный угол дома, где расположился командующий армией. Но ведь не убирал сам русский полководец иконы! Не мешали они ему Родину защищать. Лишь в "Пирамиде" писатель мог, наконец, в полную силу сказать об этом... Исповедальный этот роман ещё будут читать и перечитывать те, кто хочет глубже разобраться в советском периоде русской истории. Говоря о глубине своеобразного исследования Леоновым тонкостей этого социального эксперимента над Россией, напомним мысль Ф. М. Достоевского: "Бог взял семена из миров *иных*, и посеял на сей земле, и взрастил сад, и возшло всё, что могло взойти, но взращённое живёт лишь чувством соприкосновения своего с *таинственным миром иным...*" (курсив мой. — **В. С.**). Леонову это присуще, он применил приём мистического реализма, создав образ ангела Дымкова, своего рода посланника *миров иных*, чтобы разведать, что творится на земле, в России.

В "Пирамиде" чётко прослеживается связь с традициями и Достоевского, особенно ценимого Леоновым, и Булгакова с его тоже исповедальным романом "Мастер и Маргарита". У Булгакова сам дьявол навестил Россию нэпманскую и устроил проверку на понимание добра и зла. У Леонова чистый ангел Дымков так и не смог разобраться в сетях, расставленных ему представителем тёмных сил в образе известного советского профессора Шатаницкого. (Так и слышится в этом и сатана, и шайтан в одном флаконе. Ну, и ещё кое-кто легко угадывается...)

Леонов продолжает пророческие традиции Пушкина, Достоевского и сам пророчествует. Правда, весьма пессимистично. Не уставая дорабатывать, добавлять ясности в ранних своих романах, он опубликовал на излёте советской власти вставку "Про неистового Калафата" в "Барсуки", прямо-таки предугадав стремление нынешних глобалистов всё оцифровать. Калафат даже термин придумал — сометрия, образ правления, где всё должно быть учтено до последнего колоска и винтика ради возведения башни до самого высокого неба. Тысячи людей строили её. Росли её этажи так, что рабочие стали отказываться от работы, слишком уж припекало солнышко. Остался со своей башней сам Калафат. Но вот же закономерность: пытается взбираться по ней ввысь, а она всё больше и больше оседает, уходит в землю.

В последнем романе образ пирамиды не менее зловещ, но куда более масштабен. У её фундамента допущенный на секретный объект журналист легко угадывает гигантские каблуки хорошо известных сапог, а где-то далеко в немыслимой выси должна появиться и голова великого вождя. Мне видится в этом переключке с проектом гигантского Дома Советов с венчающей его скульптурой Ленина. Проект, к счастью, не осуществлённый. Вот и у Леонова десятки закрытых структур, и тысячи людей изображены пока лишь в процессе небывалого строительства, явно бессмысленного. Потому что строить надо было не "культовые" сооружения нового строя, а поднимать человека до высот духовных в стремлении к справедливости на земле. А как, если без Бога "всё дозволено"?

Образ вождя в "Пирамиде" отнюдь не однозначен и прост. Фрагмент вовлечения ангела Дымкова в объяснение и некое оправдание крайностей

строительства земного рая в отдельно взятой стране, тайного приглашения его к Сталину чрезвычайно насыщен и интересен. Вождь пытается объяснить жестокую политическую необходимость *сжимать время* на перестройку и промышленности, и вообще экономики страны, поэтому и жертвы неизбежны. Вдруг подумалось: а что, если бы не так называемый “большой террор” 1937 года, когда под топор попали многие палачи русского народа, уцелел бы сам Сталин? Победи его враги, и он мог бы так же быть осуждён и репрессирован по законам “новой демократии”. Подумалось и о знаменитом слепообедном тосте вождя за русский народ, упорный в сражениях и терпеливый. Кстати, именно Сталин понял, оценил и сберёг талант великих, истинно русских писателей советского времени – Шолохова, Булгакова, Леонова...

Но кто и как измерит цену таких жертв, невольных и невинных, как старый учёный Филуметьев в “Пирамиде”? На встрече с ним правдоискатель, старший сын о. Матвея Вадим, с ужасом узнал, что такое доноски, причём отнюдь не из идейных соображений, а ради квадратных метров жилья. Под этот “частый бредень” попал и сам Вадим, когда взяли супругов Филуметьевых. Он, который делал вроде бы неплохую карьеру при новой власти (во всяком случае, так думали его родители). Искренне принявший поначалу новую власть, неистовый романтик, он задумал даже предупредить вождя об опасности культа личности, сочинил для этого повесть с прозрачным образом древнеримского тирана, обречённого на гибель и недобрую память в потомках. Но на себе испытал, что такое тюрьма и лагерь, погиб при попытке к бегству. Впрочем, Шатаницкий ради того, чтобы проникнуть в философию простого священника кладбищенской церкви, откровенно побеседовать с ним, устроил своими сакральными средствами маленький спектакль с посещением родительского дома любимым, долгожданным первенцем. Как читатель я поверил в это, настолько мастерски передал Леонов тонкость отношений в семье о. Матвея (так по-мирски, не по-церковному – Матфеем – назвал своего героя, зарабатывающего на жизнь ремеслом сапожника, Леонов).

Критики Леонова не раз упрекали его в тяге к патриархальности. Что ж, любимый им Достоевский утверждал: “Для народа царь есть воплощение его самого, всей его идеи, надежд и верований его... Этакому ли народу отказать в доверии? Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду...” Впрочем не значит, что и Леонов мечтал вернуть царя. Но прислушиваться новые власти к мнению народному, конечно, призывал вслед за русскими писателями-пророками Пушкиным и Достоевским. Читаешь приводимую им цитату Корнеля “...он от суда сокрыт громадностью злодейства”, вспоминаешь Лермонтова: “Но есть и Божий суд... Есть грозный суд: он ждёт...” – и Пушкина: “Народ безмолвствует...”. Может, Божий-то суд и сокрыт в этом молчании?

Видел ли Леонов и хорошее в переменах после революции? Без сомнения. Например, повышение всеобщего образования: получил высшее образование сын сторожа кладбищенской церкви Никанор, даже стал в итоге академиком. Учился и рос как известный на определённом уровне публицист старший сын о. Матвея Вадим, учился и его брат. То есть даже дети лишенцев могли получать образование. А разве не отражали по горячему следу советскую новь так называемые производственные романы Леонова “Соть”, “Скутаревский”, “Дорога на океан”? Но... его Векшин из “Вора” на упоминание о золотом веке цивилизации говорит: “...ты мне его всё втемную, точно kota в мешке, всучить хочешь, это самое счастье. А ты не спеши, покажь мне его лицом, стоит ли оно цены, которую запрашиваешь”. И голос самого Леонида Леонова: “Справедливый упрёк нам, литературе, которая должна стать разведкой будущего, а мы всё пока остерегаемся ворваться с пером в предстоящую нам неизвестность”.

Леонид Леонов поневоле часто выступал в печати – обращались по любому поводу не только журналы, но и газеты “Правда”, “Известия”. Как-то в разговоре с Десятниковым Леонид Максимович обронил, что приходилось и “подыгрывать, чтобы была возможность работать”. Но страна помнит его выступления, и личные, и совместно с другими великими патриотами России, – против переборски вод северных рек в Каспийское море, в защиту русского леса, за сохранение русских святынь. Не раз встречался Леонид Максимович с молодыми писателями. Например, Валерий Ганичев приводил к нему Сергея Алексева, опубликовавшего свои первые романы в “Нашем

современнике”, а ныне автора уже многотомного собрания сочинений – о русской истории, русском языке. Сознаюсь, мне приятно было узнать о своего рода благословении классика Сергею, которому когда-то и моя “закрытая рецензия” на одну из первых повестей помогла поверить в себя.

Другое неожиданное моё воспоминание. Я и не знал, что прекрасному нашему фантасту Александру Грину издать первую книгу помогал именно Леонид Леонов. Иначе я точно упомянул бы об этом при подготовке записки в ЦК КПСС. Там вдруг обеспокоились бурным ростом его тиражей в конце 60-х годов: не отвлекают ли книги Александра Грина молодёжь от строительства социализма? Пришлось тогда обосновывать, что гриновское “если можешь сделать чудо – делай его” вовсе не противоречит стремлению нашего поколения “сказку сделать былью”, что воспитание высоких человеческих чувств очень нужно нашему обществу. А ныне я ежегодно радуюсь вместе с тысячами выпускников школ по всей России дивному празднику “Алые паруса” в Санкт-Петербурге – и вспоминаю Леонова. . .

* * *

Леонид Леонов, как не раз подчёркивается в Дневнике, “следовательно по особому важным делам человечества”. И пророк. Как бесконечно много и упорно переделывал он рукопись “Пирамиды”, добавляя всё новые и новые фрагменты, стараясь нащупать тесные связи их с уже продуманным и выношенным! К сожалению, пророчества Леонова пессимистичны. Десятникову доверительно говорил он: “Они победят”, – имея в виду тесно переплетённые и сплотившиеся кланы Рокфеллеров, Ротшильдов, Морганов и прочих. Он ведь успел увидеть в ходе “перестройки” и распада СССР, как растаскивали богатства страны уже новые “реформаторы”. Причём в куда больших масштабах, чем культурное достояние России в первые годы Советской власти, чему Леонов был свидетелем (Десятников даже задумывался о тщательной переписи культурных ценностей, которые изымались властью на продажу оптом, “на глазок”). Прошедшая после смерти классика четверть века, во многом подтвердив его пророчества, не всеяет особых надежд на изменения. И не дай Бог, на Которого только и надеялся он, чтобы государственники, активизировавшиеся в правительстве в последние два-три года, уступили в очередной раз либералам-западникам!

Какой трагический духовный разлом в глубинах русского народа показал Леонид Леонов на примере разлома в семье простого священника кладбищенской церкви! Глава семьи и его матушка – глубоко и искренне верующие люди (отсюда и “философия” о. Матвея, которую пытался понять Шатаницкий). Старший сын Вадим, как уже говорилось, увлёкся перспективами строительства самого справедливого общества. Явление не новое на Руси, вспомним хотя бы Чернышевского и Добролюбова – сыновей священников. Видимо, в духовных семинариях и академиях, помимо прекрасного общего образования, знания языков и многовековой культуры, верх брал догматизм (не меньший, чем в советской философской науке). Вот и выламывались из церковной среды ищущие истину в новейших теориях. Дочь священника, тонкая, глубоко мистическая натура, которой только и мог открыться залётный из других концов вселенной ангел. Её, чистойшей души человека, полюбил с детства и навсегда Никанор, сын церковного сторожа. Ему-то, кому новая власть предоставила возможность получить высшее образование, и доверил профессор Шатаницкий осмысливать хитросплетения действий тёмных сил. Есть ещё и средний сын, антипод Вадима, готовый на всё, вплоть до подложного доноса на отца, лишь бы спасти семью. Впрочем, порывы и заблуждения его кратковременны, переходящи, потому и неисполнимы. Такой вот слепок яички общества, лишённой революционными властями и прав, и средств к существованию. Выручает семью доброе старое крестьянское умение работать сапожной иглой, чинить обувь своих бывших прихожан. А как страшна сцена вынужденного отречения от веры бывшего дьякона! Ради спасения детей отрёкся от Бога – и тут же умер, не вынеся гибели своей души.

И показал всё это и многое другое Леонид Леонов скупю, сжато, с неповторимым мастерством. В Дневнике мне запомнилось признание Владимира Десятникова: “Читая Леонова, испытываешь ощущение, будто видишь, как

ходят над землёю грозовые тучи. И их пронзают молнии... гениальности". А как интересны мысли самого Леонова: "Если талант в конце концов непременно справляется с поставленной целью, то гениальность на каждом узлом этапе внезапно осеняется дополнительными сверхзаданиями, которые множатся с приближением к финалу. Гений несчастнее любой бездарности, не сознающей своих очевидных преимуществ в смысле творческого удовлетворения". Так и мучился Леонов над своей "Пирамидой". Мучился, чтобы, как у него сказано ранее по другому поводу, "выбрать наконец манеру повествования: расточительную щедрость изложения или скупой пунктир намёка. Второе выгоднее, потому что недосказанное больше мобилизует воображение читателя, впрочем, только умного". Последние годы жизни Леонова – это мучительная борьба с самим собой, стремление доделать, переделать, уточнить, улучшить написанное. Как трудно было с ним помощникам, которых выделяли для завершения работы над "Пирамидой" сначала издательство "Художественная литература", потом Союз писателей, журнал "Наш современник", готовя журнальный вариант. Постоянная диктовка новых фрагментов, их расшифровка и шлифовка, поиск самого точного места для них в рукописи... К тому же Леонид Максимович продолжал "копать своё прошлое, чтобы это помогало стать честнее и краше будущему", как сказано в его повести "Evgenia Ivanovna". Так появился и пролог к переизданию "Вора", и легенда "Про неистового Калафата" в "Барсуках". Очень подробно рассказано об этом в Дневнике Владимира Десятникова.

И сколько же мудрых мыслей рассыпано в Дневнике, отражающем яркую жизнь вечного *дознавателя* истин, помогающего "следователю по особо важным делам человечества"! Вот пример переключки мнений. Русского православно-славного философа Георгия Федотова: "Человек без Бога не может оставаться человеком. Обезбоженный человек становится зверем в борьбе или домашним животным в упряжке цивилизации". И русского писателя Леонида Леонова: "К постройке собственного гнезда она [современная молодёжь] приступает без стеснительного благоговения к отцовскому, и тут среди деятельной работы по освоению имущества раскрывается вдруг, что главное – то сокровище презренного и поверженного старика состоит не в алмазных фондах, даже не в патентах материальной цивилизации, находится не в подземелиях, а рядом, рукой достать, в глубине его взгляда, вернее, в неуловимой проникновенности зрачка, ещё точнее, в крохотной и как бы влажной точке света, в невесомой блёстинке на его поверхности. Несомненно, эта малая крупичка света – кроткой вечерней звезде сестра родная, только старшая и потому видная со всех концов вселенной. Без неё род людской враз становится волчьей стаей, пробегающей по закатному снегу за своим вожаком".

И как переключаются с нашей нынешней действительностью мысли Леонова: "Возведённый в гуманитарные догмы обычай тащит за собой в обозе, наравне с трофеями, весь свой биологический брак с огромными следами вырождения"; "Для души нет ничего ядовитее воспарений от загнивающих мечтаний"; "Необратимые последствия истории нельзя отменить одним лишь отнятием чернильницы, хлеба и даже жизни". Остро подмечал он и "невежество загнивающей знати, болтливое прекраснотушие образованной верхушки". Слово о Хрущёве, Горбачёве, Ельцине и иже с ними!

Не раз слышал, что Леонида Леонова трудно читать. Ещё бы! Вслушайтесь в его отношение к будущему читателю: "...Сущность и трагедия большого искусства состоит в создании тончайшей вольфрамовой нити, которая способна светиться и освещать мир лишь по прохождению в ней тока самого потребителя".

...Многое ещё теснится на кончике пера, чтобы рассказать и о паломничествах Десятникова по местам, связанным с жизнью и творчеством Леонова, и о том, как украшают Дневник редкостные фотографии, порою оставшиеся единственными следами исчезнувших русских святынь, и о многих славных исторических личностях нашего Отечества. Я теперь часто обращаюсь к этому пятитомнику в поисках не только точных сведений по истории культуры, но и свидетельств человека нашего с Десятниковым уходящего, к сожалению, поколения о жизни в Советском Союзе, где достижений всё же намного больше, чем провалов и потерь, и где надежды на счастливую и справедливую жизнь были, есть и вечно будут.